

СРЕДСТВА ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ОБРАЗА НАЦИИ*Е. М. Меркулова*

Понятие нации является объектом исследования социологии, политологии, а также политической лингвистики, изучающей общественное сознание в языковом отражении.

В языке существует несколько способов параметризации образа нации: по физиологическим признакам, по «ролевым» параметрам (например, в сюжете сказки о справедливой войне, исследованном Дж. Лакоффым). В данной работе делается попытка выявления средств параметризации образа нации по признаку культуры. В связи с этим считаем целесообразным исследовать использование прецедентных имён (ПИ) с учётом коммуникативной установки говорящего. Объектом исследования стали репрезентанты названий наций в речи, включающие ПИ, в том числе имена писателей, философов, композиторов. Материалом исследования явилась выборка из 100 текстов российской публицистики с 2000 по 2010 гг., представленная преимущественно в информационно-поисковой базе «Интегрум».

Одна из аксиом русского лингвокультурного сознания заключается в том, что нация характеризуется наличием собственной уникальной культуры. Это выявляется, в частности, словарными толкованиями, в которых понятие нации толкуется через понятие культуры (Большой толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова, Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой, Семантический словарь под ред. Н. Ю. Шведовой). Задачей данной статьи является исследование способов параметризации образа нации по признаку культуры. Важным является выявление коммуникативной установки говорящего, то есть зачем в данный момент речи при создании образа нации говорящий использует ПИ из сферы культуры.

Одним из средств параметризации образа нации является употребление прецедентных имён, связанных со сферами искусства, философии.

Использование прецедентных имён в речи, в художественном тексте получило освещение в трудах Ю. Н. Караулова, Д. Б. Гудкова, Г. Г. Слышкина, Н. А. Фатеевой, Е. А. Нахимовой и других лингвистов. ПИ задают «пантеон злодеев и героев», поэтому их использование, как правило, сопряжено с принесением дополнительного оценочного элемента¹. Подобный способ выражения оценки в трудах Н. Д. Арутюновой получил название дейктического, то есть когда оценка производится посредством указания на образец². ПИ в сознании одного лингвокультурного сообщества представляют собой нормы и эталоны поведения, точнее олицетворяют их (Д. Б. Гудков), становятся воплощением ценностей. Поэтому оценка, привносимая ПИ, целиком зависит от самого источника прецедентности. Так, наименования «народ Гёте» и «народ Гитлера» передают противоположные отношения говорящего к одной и той же нации.

Однако, помимо коннотативной информации, ПИ формируют и дополнительную номинативную информацию, выполняют моделирующую функцию³. Характер номинативной информации не всегда зависит от конкретных ПИ, и её вычленение представляет большую сложность, нежели определение оценки. Д. Б. Гудков указывает на невозможность вербализовать информацию, заложенную в номинациях с ПИ⁴. Однако с помощью контекстуального анализа большого числа текстов можно эксплицировать основную информацию.

В качестве объекта рассмотрения обратимся к модели представления немецкой нации «народ + представитель национальной культуры». Так, в современной российской публицистике немецкая нация часто представлена как «народ Гёте», «народ Канта», «народ Бетховена». Подобные номинации обычно возникают в контекстах, связанных со Второй мировой войной. Приведём некоторые наиболее характерные примеры:

1) *Дело в том, что его (Гитлера. — Е. М.) личные комплексы помогли найти выход ярости великого народа, загнанного историей в угол. Так что же произошло с народом Гёте и Бетховена, Канта и Ницше?*⁵

2) *Он считал крайне наивным выразившееся в те годы многими интеллектуалами изумление по поводу того, что народ Шиллера, Канта и Гёте мог породить такое политическое чудовище*⁶.

3) *...это не есть религиозное отталкивание или борьба, но именно национальная страсть... со стороны культурнейшего из европейских народов, народа Гёте и Шиллера, Канта и Шеллинга, Гегеля и Новалиса и проч⁷...*

4) *Народ Гегеля, Гёте, Шиллера и Канта вдруг единодушно ринулся на уничтожение себе неподобных со зверством, неслыханным в истории*⁸...

5) *Люди поверить не могли, что немецкий народ (народ Гёте и Шиллера) способен превратиться в безжалостных убийц*⁹.

6) *При яростном неприятии коричневой чумы истинные ленинградцы и во время войны сознавали, что нельзя оставаться узниками слепой ненависти к целому народу... Народу Гёте, Бетховена, Гейне*¹⁰...

7) *Изучая страшную проблему — как же могло случиться, что культурнейший народ Гёте и Бетховена поддержал гитлеризм, — специалисты обращают внимание и на такой аспект, как специфика немецкого воспитания в начале XX века*¹¹.

Если говорить о коннотативной функции ПИ, то надо отметить, что в приведённых примерах все используемые имена составляют «репертуар героев». Сложнее вычленить моделирующую функцию, сложнее понять, какую новую объективную номинативную информацию привносит название «нация Гёте», «нация Канта», «нация Бетховена». Ведь суть такого рода номинаций не в том, чтобы указать на изобилие писателей или музыкантов в данной нации (для этого есть более подходящие словосочетания, например «нация, породившая столько музыкантов / писателей»). Наверное, суть номинативной информации даже не сводится к художественным или эстетическим особенностям писателей и музыкантов: говорящий

вкладывает определённое ценностное содержание, которое можно вычленишь только в процессе семантического анализа всего предложения.

Если анализировать семантику высказываний в целом, то в приведённых примерах выстраивается оппозиция: *народ Гёте / Шиллера / Бетховена — безжалостные убийцы, коричневая чума, поддерживающие гитлеризм*. Следовательно, возникает контекстуальная антонимия, основанная на противопоставлении по параметру ‘гуманность’ — ‘антигуманность’. Правомерно предположить, что такое противопоставление основано на убеждении, что представитель культуры не может быть носителем агрессии («*гений и злодейство — две вещи несовместные*»).

Таким образом, в структуре высказывания параметр культуры, реализованный с помощью ПИ, задаёт особое нравственное измерение: какой была нация в моменты высшего её проявления. И одновременно в том же предложении (или фразовом единстве) автор показывает, какой нация стала. Использование ПИ вводит противопоставление между идеальным и реальным бытием народа, между его прошлым и настоящим, между сущностью нации и её восприятием в современной истории.

Необходимо отметить, что подобные противопоставления особенно характерны для описания немецкой нации, однако можно привести ряд аналогичных примеров и для русской нации:

1. *Ещё немного и заборная лексика станет великим русским языком! Какая пакость, низменный вкус! И это нация Пушкина, Толстого, Тургенева!*¹²

2. У Юрия Беленького я снимался в одном из первых российских сериалов «Горячев и другие», помню, только ленивый его не попрекнул: «Мы, нация Пушкина и Достоевского, а чем занимаемся!»¹³

3. *Поэтому самопредставления русских («...мы — нация Пушкина, Чайковского, Толстого, Чехова, Достоевского») не встречали адекватного отклика у представителей титульного населения. Увы, в Балтии в последней трети XX в. нас... таким образом не воспринимали!*¹⁴

4. *Народ Сергея Радонежского, Серафима Саровского, Достоевского и Толстого закатывал живьём иерархов Церкви и топил в прорубях монахинь!*¹⁵...

Необходимо отметить, что содержание, привносимое ПИ из сферы русской культуры, не равнозначно содержанию ПИ немецкой культуры. Противопоставление по оппозиции ‘гуманность’ — ‘антигуманность’ становится нехарактерно, что, впрочем, объясняется не самой природой ПИ, а историей, ментальностью русской и немецкой наций. В приведённых примерах невозможно выделить единого содержания, привносимого использованием ПИ, при параметризации образа русской нации. Так, в первых двух примерах наименование «народ Пушкина» содержит эстетический компонент, что очевидно из контекста: речь идёт о качестве и эстетической составляющей русского языка и русского кинематографа. В третьем примере передаётся штампованное общественное мнение, не совпадающее с авторской позицией. В данном отрывке ПИ не несут дополнительной номинативной информации, а предполагают оценочное содержание высказывания: *народ Пушкина* должен бы хорошо восприниматься другими народами. В четвёртом примере ПИ имеют наибольшее смысловое наполнение, точнее, наиболее конкретное смысловое содер-

жание: народ Достоевского и Толстого — религиозный народ. Такая информация эксплицируется посредством дальнейшего упоминания об иерархах церкви и монахинях.

Содержание, приносимое использованием ПИ, различается во всех приведённых примерах. Однако интенция говорящего не меняется. Высшие проявления русской нации (олицетворённые именами Чайковского, Пушкина и др.) противопоставляются либо исторической данности, либо рецепции нации (как в последнем примере). Характеристика нации с помощью использования ПИ из сферы культуры заостряет противоречия, характерные для образа нации, существующего в лингвокультурном сообществе.

Неверно было бы абсолютизировать это замечание, так как есть случаи употребления ПИ вне зависимости от подобного противопоставления. Например, евреев принято называть *народом Книги*, однако нам не удалось найти примеры, где такая номинация выражала бы особые интенции. В большинстве случаев подобное наименование служит только для перефразирования этнонима. Вот некоторые примеры:

1. *Её называют Стеной Плача, и это точное имя: камни, отполированные руками молящихся, — единственная святыня, оставшаяся у народа Книги*¹⁶.

2. *Представители «народа книги» максимально использовали богатейшие декоративные возможности еврейского шрифта, мотивы и символику национального искусства*¹⁷.

3. *Нормы учения Конфуция не помешали «народу Книги» сохранить этническую идентичность и в Поднебесной*¹⁸.

В приведённых примерах словосочетание *народ книги / Книги* не вносит дополнительного номинативного смысла по сравнению с этнонимом «евреи». Название с ПИ (*Книга*) выполняет скорее эстетическую функцию — перефразирование.

Однако можно констатировать, что в современной русской речи складывается определённая тенденция, когда параметр культуры, вербализованный посредством ПИ, обостряет различие между представлением о нации «идеальной» и нации реальной, о «героях» и реальных представителях нации.

Необходимо указать и ещё на одну особенность использования ПИ при характеристике той или иной нации. В подобных случаях параметризации образа нации в практике русской речи встречаются случаи искажения объективной информации. Так, в приведённых примерах, касающихся создания образа немецкой нации, авторы упоминали имена Ницше, Гегеля. Схема употребления, как показано выше, была следующей: народ Ницше / Гегеля противопоставлялся фашистам.

Однако общеизвестно, что работы Ф. Ницше оказали влияние на становление идеологии национал-социализма, а в своих трудах философ не раз развивал мысль о «праве войны» и «праве агрессии»¹⁹. Гегель же в своих трудах писал о «нравственном моменте войны»: войну «не следует рассматривать как абсолютное зло»²⁰. Эти противопоставления, возможно, основаны на априорном убеждении моральной, нравственной ценности высокой культуры. Поэтому становятся воз-

можно такие не основанные на объективной информации оппозиции, как «народ Ницше» — «убийцы».

«Неправильности» и «сбои» в отображении реальности языком не раз привлекали внимание лингвистов. И. Г. Милославский неоднократно сравнивал язык с зеркалом, которое иногда может искажать изображение, и в связи с этим ставил вопрос: «Нет ли в изображении тёмных мест или мёртвых зон, неадекватных увеличений или уменьшений, не искривляет ли зеркало изображаемое, а если да, то что именно, где и как?»²¹ В указанных случаях использования ПИ можно констатировать: зеркало искажает изображаемое. Возможно, такие искажения — отход от объективного отражения внеязыковой действительности — связан с национальной картиной мира.

Процесс параметризации понятия основывается на ценностях, укоренённых в национальной картине мира. Так, для русской национальной картины мира понятие культуры сопряжено с положительной оценкой. *Культурный народ* — это всегда положительная характеристика. Положительные коннотации присущи самому прилагательному *культурный*, на что указывает его словарная дефиниция: «Находящийся на высоком уровне культуры, соответствующий высокому уровню культуры»²². «*Высокий уровень*» сам по себе характеризует определяемое понятие как «положительное», так как оно лучше «обычного уровня».

Следовательно, и номинации *народ Ницше/ Гегеля*, актуализирующие культурный параметр, имеют положительный оценочный компонент, искажающий, однако, объективную информацию.

О том, насколько сильны положительные коннотации понятия *культурная нация* в российском лингвокультурном сообществе, говорит следующий очень яркий и драматичный пример. А. Н. Толстой записывал показания очевидцев во время Второй мировой войны. Один из них описывает случай около Кисловодска в середине войны: когда евреев повели на расстрел, они не могли поверить, что немцы могут это совершить и продолжали им повиноваться, а в качестве аргументации писатель Брегман говорил следующее: «Немцы — враги, немцы — суровы, но они же *культурные* люди, мы должны верить обещанию командования...» (курсив наш. — *Е. М.*)²³. Даже в самые трагические моменты, на грани смерти слово *культура* обладало огромной силой убеждения даже вопреки очевидной реальности.

Таким образом, для характеристики образа нации важнейшим оказывается параметр культуры, который вербализуется, в частности, посредством прецедентных имён из сферы искусства, философии. В современной речи такой способ характеристики нации часто обслуживает определённую авторскую интенцию — заострение противоречий национального характера. При этом при подобной категоризации понятия нации иногда происходят «сбои» в отражении действительности, что может быть отчасти объяснено ценностями национальной картины мира.

¹ Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 147.

² Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

- ³ *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 15.03.2011).
- ⁴ *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 154.
- ⁵ *Анненский Л.* Диагнозы доктора Эйнхорна // Дружба народов. 2000. № 2. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 10.02.2011).
- ⁶ *Андреев А. Л.* Политическая психология. URL: <http://www.nationalism.org/library/science/psychology/andreev/andreev-political-psychology.htm> (дата обращения: 20.03.2011).
- ⁷ *Грузман Г.* О биографии русского еврейства // Топос. 2009. № 6. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 12.01.2011).
- ⁸ *Бородин Л.* Кому каяться? URL: <http://www.apn.ru/> (дата обращения: 12.01.2011).
- ⁹ Легенды и мифы // Вечерний Екатеринбург. 19.05.2004. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 17.02.2011).
- ¹⁰ *Осипова А.* Ольга Тюлева, известная незначительность // Вечерний Петербург. 10.10.2000. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 12.03.2011).
- ¹¹ Воспитание как сплошное наказание // Первое сентября. 23.04.2005. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 25.12.2010).
- ¹² *Раевич О.* Книжки. URL: http://raevitch.narod.ru/raevitch_books.htm. (дата обращения: 25.12.2010).
- ¹³ Положительный герой с отрицательным обаянием // Российская газета. 01.02.2002. URL: search.rg.ru/rg/doc.php/160126 (дата обращения: 25.12.2010).
- ¹⁴ *Симоныч Р. Х.* Национальные отношения. Россияне в Балтии: вчера, сегодня и завтра. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/> (дата обращения: 12.03.2011).
- ¹⁵ *Бородин Л.* Кому каяться? URL: <http://www.apn.ru/> (дата обращения: 25.12.2010).
- ¹⁶ *Мак И.* Там история — везде // Известия. 13.03.2009. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 12.03.2011).
- ¹⁷ От Шаббага — к Левому фронту // Книжное обозрение. 11.08.2003. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 14.01.2011).
- ¹⁸ Последние 150 лет // Независимая Газета. 23.08.2006. URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 23.03.2011).
- ¹⁹ История политических и правовых учений. URL: http://www.pravo.vuzlib.net/book_z1017_page_1.html (дата обращения: 16.02.2011).
- ²⁰ *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 359. Цит. по: *Нерсесянц В. С.* Философия права Гегеля. URL: <http://www.kursach.com/biblio/0010025/000.htm> (дата обращения: 16.02.2011).
- ²¹ *Милославский И. Г.* Великий, могучий русский язык. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 16.02.2011).
- ²² Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 16.02.2011).
- ²³ *Толстой А. Н.* О литературе и искусстве. М., 1984. С. 253.